

ВИКТОР МАРТЬЯНОВ

Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива?

Постиндустриальное общество — пирог не для всех?

В последние годы в информационной и теоретико-методологической повестке обществоведения все активнее звучат голоса сторонников теории глобального транзита человечества к постиндустриальному обществу, к новой общественной формации «основанной на знаниях» (*knowledge society*). Для нее согласно теоретикам характерны высокие технологии с высокой добавленной стоимостью, реализуемые на глобальном рынке; опора на «интеллектуальный капитал»; доминирование постматериальных потребностей людей, связанных с приоритетом самореализации; креативный «труд как творчество» и т.д.¹ С другой стороны, сразу можно возразить, что все актуальные достижения постиндустриализма относятся, прежде всего, к изменению внешних условий жизни общества, когда технологический прогресс действительно увеличива-

¹ См.: Новая технократическая волна на Западе (сборник переводов). М., 1986; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004 и др. Из российских ученых наиболее последовательно и оригинально теория постиндустриального общества разрабатывается в работах директора Центра изучения постиндустриального общества Владислава Иноземцева: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998; Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000; Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М., 2007 и др.

ет сумму доступных возможностей, удобств и удовольствий, располагаемых каждым членом общества, будь то возрастание доли самозанятости (фрилансерства) в экономике как неконвейерного труда; качественная медицина; комфортное жилье; невиданная ранее социальная мобильность населения; связь, отменяющая любые расстояния; свободный доступ к воистину бездонным хранилищам информации в Интернете и т.п. Но можно ли данные изменения трактовать как переход к кардинально новому типу общества, если мировоззрение и ценности этого общества, его цели и структура существенно от всего этого не меняются, да и принципиально новые цели тоже не ставятся?²

Боле того, меняется по большому счету второстепенное: номенклатура существующих специальностей; расширяется классификации видов деятельности; относительные соотношения сферы производства и услуг; специализация тех или иных национальных экономик; виртуализируется финансовый сектор; все больше ценятся уникальные носители интеллектуальной собственности и т.д. Но при этом ни законы капиталистической мироэкономики, ни тип государства, ни людская мораль практически не меняются! Тогда не имеем ли мы дело всего лишь с попыткой обоснования очередной актуальной ротации доминирующих ресурсов, на которые опираются ведущие общества на определенном историческом этапе, будь то военная сила, земля, техника или в случае постиндустриализма — знание?

Актуальность темы прорыва в постиндустриальность для современной России обусловлена фундаментальным изменением всей повседневности российского общества на стыке XX–XXI веков, его институтов, норм, ценностей, целей. Онтологическая революция российского социума в результате значительно опередила на актуальном этапе развитие как государства, так и категориального и методологического аппаратов отечественных социальных наук. Продолжая зачастую оперировать «вчерашними» представлениями и модернистскими концептами общественнознания, современное национальное государство оказывается бессильным перед вызовами будущего, которое осуществляется здесь и сейчас.

В настоящее время сторонниками постиндустриального прорыва предполагается, что США, Япония и старая Европа уже сформировали контуры «общества знаний», а Россия якобы тоже может из своей полуразрушенной индустриальности классического модерна перепрыгнуть в светлое будущее постиндустриализма. Причем данная теория «большого прыжка» подозрительно напоминает давние тезисы народников и большевиков о возможности прямого перехода России к социализму из аграрно-традиционного общества, минуя стадию капитализма, поскольку у страны есть свое социокультурное ноу-хау — крестьянская об-

² См. критику прогностических претензий постиндустриальной теории: Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // СОЦИС. 2006. № 4. С. 124–130.

щина, прообраз социалистической бесклассовой коллективности. Есть ли аналогичные, пусть и неявные «преимущества» у современной России, чья экономика только начала приближаться к показателям объемов производства ключевых товаров в РСФСР образца 1990 года: в области строительства домов (60,3 млн кв.м. (Россия) против 62,1 (РСФСР) млн кв.м.), добычи нефти (491 и 550 млн т), валового урожая зерновых (117 и 81,8 млн т) и т.д.³ Или условия подобного перехода являются скорее плодом беспочвенных мечтаний и самоуспокоительных риторических фантазий отечественных интеллектуалов и политических элит? Поэтому не будет ли в ближайшие годы постиндустриальное общество и прирост «инновационных предприятий» лишь имитироваться в СМИ, лозунгах и отчетах органов госвласти, а также в интеллектуальном пространстве 2–3 ведущих мегаполисов, нежели существовать на самом деле?

В массово появляющихся в последние годы прогнозах и концепция среднесрочного развития России тема технологического прорыва и «инноваций» выглядит привлекательно. После шоковых изменений в условиях стабилизации растет в проектах, предполагающих новые социальные концепции и сценарии для России и обосновывающие алгоритмы занятия страной более справедливого положения в миросистеме, адекватному ее экономическому, культурному и научному потенциалу. В частности рост запроса власти на прогнозирование подтверждается растущей популярностью такого жанра, как среднесрочные научные сценарии развития России и мира.⁴

Тем более, что не так давно доминировавшая в общественных науках транзитологическая парадигма в настоящее время полностью выработала свой эвристический и прогностический потенциал. Теория, опирающаяся на представление о некоей цивилизационной «норме», с необходимостью описывала все многообразие не вписывающихся в нее обществ лишь как временные «отклонения». Однако вскоре стало очевидным, что отклонения со временем не исчезают, а продолжают накапливаться. Тем не менее привычный мыслительный и методологический алгоритм оказался живучим в социально-политических науках, где провалившиеся теории полувековой давности о неизбежности транзита колоний к индустриальному Модерну в виде их же бывших метрополий спешно переделываются под обоснование транзита нынешней России к «постиндустриальному постмодерну».

³ Россия-2006. Статистический справочник. Росстат. М., 2006; Белая книга. Экономические реформы в России. 1991–2001. М., 2002.

⁴ Только в последние годы в России изданы такие характерные работы, как: Введение в будущее. Мир в 2020 году. М., 2006; Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М., 2007; Россия и мир в 2020 году. М., 2005; Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М., 2007; Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М., 2007 и др.

Однако попытки применения к российским реалиям теории смены индустриального общества постиндустриальным сразу же наталкиваются на существенные препятствия. Первоначальный вариант теории постиндустриального или информационного общества (А.Тоффлер, Д.Белл, А.Турен и др.) уже не адекватен актуальной реальности, поскольку авторы классических теории 1960-х годов понимали под информацией почти исключительно научное знание; современная же информационная революция отнюдь не сводится к экспансии такового знания. Теории постиндустриального общества обещали возрастание роли интеллектуального труда и изменение вследствие этого социальной структуры, роста производительности труда и т.д. На первый взгляд, эти прогнозы сбылись для стран Запада. Но более детальный анализ ситуации показывает, что широкое внедрение информационных технологий сформировало новую отрасль весьма прибыльной глобальной экономики, связанной с компьютерами, программным обеспечением, Интернетом, электронными коммуникациями, развлекательными массмедиа и т.д., но почти не сказалось на реальной производительности труда для подавляющего большинства других секторов экономики. Многочисленные выгоды постиндустриализма оказались фрагментарны и стали следствием формирования новой глобальной экономики с ее транснациональным разделением труда.

Для адекватного рассмотрения проблемы представляется целесообразным изменить масштаб и проанализировать проблему осуществимости перехода к постиндустриальности в глобальном масштабе. Здесь Россия становится лишь одним из примеров, частным случаем более общих экономических, политических, культурных процессов, идущих на планете. Следует отметить, что сегодня в глобальной миросистеме одновременно сосуществуют три историко-экономических уклада, каждый из которых может присутствовать в любом обществе, но доминирует лишь один из этих укладов.⁵ И основное отличие этих укладов состоит вовсе не в образе жизни и характерных товарах для этих укладов, а, прежде всего, в *норме прибыли*, которую позволяет получить тот или иной сегмент мироэкономики. К странам периферии или предсовременности (до-Модерна) относятся традиционно-патриархальные общества с преимущественно аграрным укладом экономики, основанным на эксплуатации первичных природных ресурсов: земли и полезных ископаемых. Эти традиционные общества господствовали и были единственно возможными до капиталистических революций в Европе. По сути это не капиталистические (не современные) общества, не спо-

⁵ См. подр. о миросистемном подходе: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М., 2003; Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003; Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., 2006; Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. №1 (5). 2006; Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004 и др.

собные накапливать прибавочный продукт. Истощение ресурсов не увеличивает капитализацию их экономики, но тратится на необходимые первичные нужды. Прежде всего, это большинство стран Африки, густонаселенные и лишенные нефти страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Страны индустриальные (современные) характеризуются доминированием низкотехнологичной промышленности и дешевым трудом как главным конкурентным преимуществом. Здесь господствует принцип отложенных потребностей, благодаря которому происходит накопление капитала и экономический рост. Полупериферия, исходя из структуры экономики и номенклатуры импорта-экспорта, представлена странами Латинской Америки, многими странами Азии, Восточной Европой, Россией.

Наконец постсовременные или постиндустриальные общества базируются на производстве знания, глобальных культурных стандартов и норм, некоего целостного желаемого образа жизни (как в области высокой культуры, так и масскульта в виде моды, кино, развлекательного чтения и т.д.), высоких технологий и разнообразной интеллектуальной собственности. Это Западная Европа, Япония и США. Фактически только эти страны способны эффективно создавать и поддерживать монополии в глобальном масштабе, оборачивающиеся сверхприбылью для постиндустриальных экономик.

В настоящее время политики и ученые соревнуются в метафорах и эпитетах, которые присваиваются новой экономической, политической, культурной реальности, формирующейся в России. Представляется, что случившиеся изменения можно характеризовать в первую очередь как отход от национальной модели общества классического Модерна⁶ к формированию нового общества — децентрализованного, сетевого, информационного, постмодернистского, постиндустриального, урбанистического, «общества потребления», «общества третьей волны» и т.п. На наш взгляд, все перечисленные определения скорее суть описательные метафоры и методологические черновики. Поэтому они могут претендовать скорее на описание тенденций и контуров ближайшего будущего, чем на эссенциализм в отношении «нового» российского общества, а тем более, его ближайшего будущего. И проблема отсутствия идейного консенсуса в общественных науках относительно релевантности новых теорий является прямым следствием радикальной и не сокращаемой неодновременности российского общества, которое продолжает жить во всех трех «волнах» или исторических укладах — аграрном, экономическом и «постэкономическом». Следовательно, условием любой приемлемой социально-политической стратегии для России может быть лишь стратегия сокращения неодновремен-

⁶ См. подр.: Мартьянов В. *Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире*. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

ности страны и реальное согласие «большого общества» относительно стоящих перед ним целей и исповедуемых ценностей, а не их конструирование в информационной повестке СМИ и популистских программах властвующей элиты.⁷

Действительно, трудно не заметить принципиальные трансформации, наиболее явно происходящие с передовыми обществами. Размываются привычные социальные классы, на смену которым приходят аморфные группы населения. Прогресс автоматизирует все производственные процессы, сокращая рабочие места в секторе реального производства. Так, за последние 150 лет производительность труда в Европе увеличилась в 20 раз.⁸ В результате рабочие и аграрии, составлявшие большинство в обществе индустриально-классового модерна XIX — начала XX века, ныне оказались в меньшинстве. Соответственно, вместе с границами классов размываются и четкие основания классовых конфликтов. Если исторически большинство населения Земли занималось сельскохозяйственным трудом, то сейчас в развитых странах аграрии, живущие «с земли» и за счет животноводства, составляют не более 5–10 процентов населения. Технологический прогресс изменяет структуры занятости, и, прежде всего, ведет к сокращению классического рабочего класса, давно не являющегося численно доминирующей группой населения. Растет доля людей с высшим образованием. Население все более концентрируется в мегаполисах: в 2008 году был пройден важный показатель — более 50 процентов населения планеты (3,3 млрд чел. из 6,6 млрд чел., населяющих планету в настоящее время) стали жить в городах. Согласно прогнозам ООН, в 2000–2030 гг. прирост населения Земли составит около 70 процентов и происходить он будет исключительно за счет увеличения урбанизированного населения во «втором» и «третьем» мире, в то время как численность сельских жителей останется на нынешнем уровне или незначительно сократится.⁹ Современное общество все многообразней фрагментируется и индивидуализируется¹⁰, а экономические процессы глобализируются. Поэтому конкурентные преимущества любых отраслей и целых стран отныне должны доказываться всему миру, а не только на «тепличном» внутреннем рын-

⁷ Черновые контуры «Стратегии развития России до 2020 года», целью которой является построение в России «инновационного общества» изложены в программном выступлении Президента РФ В.Путина на заседании Госсовета РФ от 08.02.2008 г. // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127560>; а также развиты в практически аналогичной речи на тот момент кандидата в Президенты РФ Д.Медведева на V Красноярском экономическом форуме от 15.02.2008 г. // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127810>.

⁸ Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // *Общественные науки и современность*. 2007. №3. С. 47.

⁹ Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизации (доклад ООН) // <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0295/biblio01.php>

¹⁰ См. подр.: Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М., 2005.

ке, регулируемом таможенными барьерами и различными налоговыми льготами.

Постиндустриальная экономика *количественно* все менее базируется на сельском хозяйстве и промышленности, где наблюдается устойчивое сокращение занятости. Все большее число людей *вынуждено* искать себе применение в расширяющемся секторе услуг и инновационных технологий. Но здесь массовая занятость не требуется, так как изобретения и технологии являются результатом деятельности ученых-одиночек и малых трудовых коллективов, чьи результаты труда затем лишь копируются в промышленных масштабах, в неограниченном числе копий.

Наконец, в настоящее время даже антиглобалисты признают неизбежность и объективность глобализационных процессов человечества. Поэтому объектом критики выступает уже не сама глобализация как закономерный рост взаимосвязи экономических, политических, финансовых процессов в мироэкономике, но лишь ее «проклятая сторона». То есть совокупность различного рода издержек (экологических, трудовых, миграционных, безработица), сопутствующих данному процессу.¹¹ Но ценность подобной критики, справедливой в частном и особенном, серьезно снижается тем, что у альтерглобалистов даже в теории не существует альтернативного по масштабу проекта взамен актуальной мироэкономике, основанной на принципах капитализма.

Принято считать, что в настоящее время из затянувшейся на советских просторах эпохи фабричных труб Россия пытается шагнуть в информационную эпоху, построить постиндустриальное общество. Но по силам ли ей данная задача на современном этапе? И является ли постиндустриальное общество достижимой целью развития для всех стран мира? Ведь до 1960-х годов структурно аналогичными теориями модернизации поддерживалась версия, что стоит бывшим колониям и всему «третьему миру» поднапрячься, создать и применить апробированные в Европе и США социально-политические институты и технологии, как их развитие и уровень жизни с неизбежностью «всеобщих» исторических законов догонит страны называемые «развитыми». Более того, в 1990-е годы та же иллюзия воспроизводилась уже российскими либерал-реформаторами: у всех государств и континентов один путь, рецепты процветания известны и апробированы другими странами, поэтому развитие тождественное постиндустриализации лишь дело времени.

Но практика реформ показала обратные результаты. Институты и правила, работавшие в одной культурной реальности, оказались де-

¹¹ См.: Агинтон К. Альтерглобализм. Новые мировые движения протеста. М., 2004; Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения. М., 2003; Эрикссон. Д.Ф. Антиглобалистские движения: истоки, стратегии, состав, ресурсы // Дискурс Пи. 2002. №2; Бузгалин А.В. Альтерглобализм как феномен современного мира // ПОЛИС. 2003. №3 и др.

формированными в другой. Невозобновляемые ресурсы планеты неожиданно тоже обнаружили свою конечность и возрастающую дефицитность: на всех не хватает уже давно. Разрыв доходов и уровня потребления граждан центра и периферии глобального мира за последние 50 лет не сократился, а удвоение и утроение населения в слаборазвитых странах за последние полвека поглотило весь их экономический рост и прибавочный продукт. Только для того, чтобы глобально решить проблему голода и прокормить население Земли, которое достигнет в 2050 году согласно средневзвешенным прогнозам 9 млрд чел., на уровне рациона развитых стран, придется фактически вдвое увеличить производство продуктов питания в 2050 году. Это является весьма трудновыполнимой задачей, так как ресурсы урожайности зерновых, пахотной земли и пресной воды близки к исчерпанию во многих густонаселенных странах Африки, ближнего Востока, Индии и Азии уже сейчас.¹²

Поэтому не является ли новейшая идея постиндустриального российского общества новой интерпретацией старой сказки о модернизации? Тем более, для нынешней России, где победительная политическая риторика прорыва в «информационное общество» призвана отвлекать от того очевидного факта, что страна медленно деградирует в доиндустриальное состояние, демонстрируя парадоксальный «рост без развития». Рост обеспечиваемый внешнеэкономической конъюнктурой цен на сырье, а не реальными успехами в производстве конкурентных и востребованных во внешнем мире товаров и технологий.

Постиндустриальное общество получает сверхприбыль от экономики услуг и высоких технологий, производя качественный конкурентоспособный продукт для глобального рынка. Если смотреть на Россию с позиций объективного анализа ее экспорта, который четко показывает, в чем страна конкурентоспособна на глобальном рынке, то можно увидеть, что структура российского экспорта характерна не для постиндустриальной экономики и даже не для индустриального общества периода СССР, но для современных банановых республик, торгующих на глобальном рынке не идеями, технологиями или даже трудом, а своим невозобновляемым природным достоянием (нефтью, газом, металлами, лесом, бананами и т.д.).

В 2007 году доля сырьевых товаров в российском экспорте установила очередной негативный рекорд, достигнув показателя 85 процентов.¹³ Поэтому прорыв России в постиндустриальное общество, которым обнадеживают российского обывателя некоторые эксперты и властные элиты, является не более чем фикцией, сконструированным мифом. Реальные задачи, стоящие перед нынешней Рос-

¹² См.: Ковалев Е. В. Глобальная продовольственная проблема // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №10.

¹³ Цит. по: Иноземцев В.Л. Конкурентоспособность России: мифы, иллюзии, методы повышения // Россия и современный мир. 2008. №1.

сией гораздо скромнее: это восстановление индустриального сектора и переработка сырья внутри страны с целью его экспорта с высокой добавленной стоимостью. Например, экспорт мебели и бумаги, а не леса-кругляка; бензина вместо нефти; продукции авиа- и машиностроения, а не металлургии и т.д. Фактически речь идет о первоначальной задаче встраивании страны преимущественно в индустриальный сегмент глобальной экономики, которое было бы большой удачей в случае его реализации.

Вынужденная постиндустриальность

Капитализм является не только состоянием, но и динамическим, временным процессом. Он способен как создавать новые инфраструктурные пространства капитала, так и приводить к разрушению уже имеющих, то есть декапитализации национальных экономик, вследствие падения прибылей, роста затрат на зарплаты, истощения ресурсов, роста административных издержек и политических рисков. Обычно началом декапитализации является кризис перепроизводства, падение стоимости активов и географическое бегство капиталов, которые влекут за собой застой, деиндустриализацию и экономическую депрессию.¹⁴ В том числе и потому, что избыточный финансовый капитал постиндустриального мира, обращенный в ликвидную, легко перемещаемую форму финансовых инвестиций способен получать сверхприбыль в двух других исторических нишах, извлекая ее из глобального демпинга стоимости сырья и труда за пределами центра. Но дело в том, что в глобализированной экономике капиталу по сути дела больше некуда бежать в погоне за прибылью. Все зоны влияния и рынки сбыта давно освоены и поделены, а финансовый рынок давно является глобальным.

В результате парадоксально, но развитие креативных технологий, сферы услуг и образования, доминирующих в постиндустриальном обществе, часто является *вынужденной* стратегией развитых обществ, следствием нарастающей деиндустриализации «информационного общества» без «рабочего класса». Такова, например, была ситуация с все более нерентабельной угольной, сталелитейной и автомобильной промышленностью, производством одежды и бытового ширпотреба в Европе и США. В 1980-е годы, не выдерживая растущей конкуренции со странами Азии, закрывались целые отрасли и производства, а в сфере сельского хозяйства вводились невиданные ранее государственные дотации, чтобы поддержать элементарную продовольственную безопасность развитых стран.

Одновременно с помощью рекордных инвестиций в Европе и США создавались новые рабочие места в постиндустриальном сегменте эко-

¹⁴ См. подр. о механизмах декапитализации: Арриги Дж. Утрата гегемонии // Прогнозис. 2005. №2 (3).

номики, в котором эти страны могли бы производить конкурентные товары, обеспечивая высокие нормы прибыли и поддерживая уже достигнутый уровень жизни. Но даже при этом согласно расчетам реальной покупательной способности зарплат, например, в США рекордные значения были пройдены в 1976 году и с тех пор уже не достигались.

И развитым экономикам Запада неконкурентоспособным в индустриальном и сырьевом сегменте, переживающим стремительную деиндустриализацию — не остается ничего иного как превращаться в «вынужденно постиндустриальное» общество, глобальное гетто для избранных, у которых на самом деле нет другого выхода. Хотя с таким же успехом его можно было бы назвать альтериндустриальным. Таким образом, пресловутые «общество знаний» и «экономика услуг» очень часто также оказываются создаваемыми вынужденно, иначе общество уже не способно далее другими способами поддерживать достигнутые стандарты доходов, комфорта и потребления.

Таким образом, развитие постиндустриальных сегментов экономики зачастую является не более, чем следствием роста неконкурентоспособности страны в секторе реального производства. В сырьевом, аграрном и индустриальном секторах глобальной экономики высока конкуренция участников, а значит низка прибыль. Постиндустриальный мир в этих секторах все менее конкурентоспособен в глобальном масштабе, поскольку издержки производства все время растут — затраты на зарплату, пенсионные отчисления и социальные гарантии, высокие налоги и экологические стандарты и т.п. В результате количество рабочих мест в данных отраслях экономики развитого мира постоянно сокращается, усиливаемое параллельным ростом производительности труда.

Проигрывая в нише индустриальной «постиндустриальному миру» остается брать реванш лишь в областях, где возможно поддержание глобальной монополии, а значит сверхприбыли, обеспечивающей уже достигнутый уровень жизни. В противном случае деиндустриализация экономик развитых стран превратилась бы в социальный застой, связанный с высокой безработицей, экономическим кризисом, утечкой капиталов и т.п. И прорывными сферами обычно становятся образование, фундаментальная наука, высокие технологии, банковская деятельность, производство уникальных культурных артефактов и т.п. и т.п. Но при таком взгляде на эффект постиндустриализма существуют серьезные сомнения в том, что такие заповедники «постиндустриального общества», как Европа, Япония и США, могут в обозримом будущем стать судьбой всего человечества. Поскольку они представляют собой не более чем специализацию на сверхприбыльных отраслях экономики в глобальном масштабе.

Вариант постиндустриального разрешения инфраструктурного кризиса путем «игры на повышение ставок» доступен лишь наиболее капитализированным экономикам, которые действительно имеют возможности вложить в глобально конкурентные сектора экономики услуг ре-

кордные капиталы. Но окупиться эти инвестиции могут лишь за счет той же глобальной монополии или, в крайнем случае, олигополии в данных секторах. Таким образом, вопреки любым декларациям о свободе торговли и честной конкуренции ключевой задачей постиндустриальных стран является неконкурентное лидерство в секторах с высокой нормой прибыли.

Но если в развитых странах деиндустриализацию еще можно искусственно перенаправить в постиндустриализацию, то есть в развитие конкурентоспособных сегментов «индустрии знаний», то проблема России и иных полупериферийных для глобальной экономики стран заключается в том, что подобное решение для них не срабатывает. В условиях России декапитализация экономики не может быть компенсирована инфраструктурной перестройкой экономики в силу отсутствия достаточного капитала и эффективного государственного управления.

Собственно в результате невозможности и неспособности в полупериферийном (индустриальном) социалистическом блоке, или «втором мире», в конце XX века к развитию постиндустриального сектора и произошла деиндустриализация экономики, одновременно повлекшая для ряда стран Прибалтики и Восточной Европы потерю политического суверенитета. Их политическая независимость была в срочном порядке обменена на право стать индустриально-сборочным цехом при ЕС. И это стало не самым плохим вариантом, поскольку Россия и среднеазиатские республики скатились к роли сырьевого придатка глобальной экономики, в котором сфера высоких технологий чем дальше, тем больше имеет чисто символическое значение, усиленно раздуваемое официальным пиаром. Как отмечает В.Иноземцев в последние годы только доход от экспорта Китая мягких игрушек втрое (!) превышает отдачу от всего российского экспорта вооружений.¹⁵

Гонка постоянна, победители временны

Несмотря на различные популярные работы, ориентированные на эффект локального развития — различные концепции креативного города и символического брендинга малых территорий¹⁶, становится все очевидней, что в глобальной экономике конкуренция отдельных компаний и регионов на внутреннем рынке становится второстепенной. Это конкуренция вписана в глобальные движения технологий, капитала и трудовых ресурсов. Пока США сохраняет монополию на программные

¹⁵ Иноземцев В. Игрушечное оружие // Business Week (Россия). 2006. № 21 (35). 05 июня. С. 62.

¹⁶ Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М., 2005; Лэндри Ч. Креативный город. М., 2006; Гнедовский В. Проблемы развития постиндустриального общества в городах США // Экология культуры. 2005. №2 (эл. версия доступна по адресу: <http://www.aonb.ru/depart/sik/main.phtml?op=919>) и др.

продукты, например, город Остин (Техас) еще может переманить за счет дешевизны жилья специалистов в области IT из Сан-Франциско и «Силиконовой долины» (Калифорния). Но не спасется ни тот, ни другой, если США потеряет глобальную монополию в данном сегменте рынка. И тот же продукт будет создаваться вдвое дешевле в Индии или России, как это реально и происходит уже сейчас. Глобальная монополия тех же США в постиндустриальном сегменте сохраняется, пока ее экономика способна вкладывать в высокие технологии больше, чем другие страны. Фактически привлекать интеллектуальные сливки со всего мира.

В настоящее время капитализация многих экономик мира растет быстрее, чем у традиционных постиндустриальных лидеров — США, ЕС, Японии. Причем эти новые экономики работают на экспорт, глобально конкурируя в реальном секторе производства. Например, в области производства ширпотреба и бытовой техники США давно потеряли способность с кем-либо конкурировать, просто открыв внутренний рынок для экспорта дешевых товаров из Китая. В результате США имеет дефицит внешней торговли в 8 триллионов долларов. Соответственно многие растущие экономики скоро станут способны откусывать куски и от мирового пирога высоких технологий. А усиление глобальной конкуренции в авиации, космосе, компьютерных технологиях приведет к снижению сверхприбылей в этом сегменте мировой экономики. Реальные инвестиции потекут мимо США, а крах доверия к доллару как резервной валюте приведет к его резкой девальвации. И этот кризис, возможно, оживит реальный сектор американской экономики, сделав ее из виртуально-постиндустриальной более «реальной».

В капиталистической миросистеме «постиндустриальная постсовременность» одновременно представляется не только авангардом ближайшего будущего всего человечества, но и в определенной степени паразитической надстройкой над существующими одновременно с ней индустриальной современностью Модерна и аграрно-сырьевой до-современностью. Более того, намечающееся изменение инвестиционных потоков, все активнее текущих от периферии к центру миросистемы, ведет к ослаблению риторики глобализации периода 1990 — начала 2000 годов, когда она была выгодна постиндустриальному миру, активно поглощавшему с помощью инвестиционной экспансии целые регионы биполярного мира, принадлежавшие былому противнику. Сегодня постиндустриальный мир, вопреки многим ранее декларируемым в рамках «либерального консенсуса» принципам, все активнее отгораживается как от переполняющих его потоков инвестиций и дешевой рабочей силы, там и от множества более дешевых товаров, производимых вовне.

Формирование альтернативных экономических центров силы будет способствовать переносу не только реальных производств, но и производства услуг и технологий в Китай, Корею, Индию и т.п. В результате неизбежно перераспределение глобальных монополий и сверхприбылей. Ведь экономика «глобального бутика» эффективна, если нет гло-

бальных конкурентов. Конкуренция превращает постиндустриальные «бутики» в обычные лавки. Азиатские страны модернизировались за несколько десятилетий, тем же темпом они станут наращивать сферу постиндустриальную. Облегчает задачу тот факт, что инвестиции и «мозги» в глобальном масштабе все более мобильны и интернациональны. Перетекание интеллекта и инвестиции в более прибыльные рынки осуществляется стремительно.

Актуальная проблема России заключается в деиндустриализации отечественной экономики, которая все менее конкурентна на глобальном рынке. Условиями прежних исторических рывков России были централизация власти (налоги) и эксплуатация дешевого крестьянского труда аграрного общества с высокой рождаемостью (индустриализация). Сегодня ресурс российской деревни исчерпан в пользу города окончательно, более 70 процентов россиян сегодня живут в урбанистической среде. Фактически элита пытается, хотя и непоследовательно, опереться на хрестоматийную для российской истории централизацию, но в глобальной экономике она не работает. Более того, сформировавшийся в советское время массовый урбанистический тип личности-индивидуалиста-потребителя болезненно воспринимает попытки свернуть объем достигнутых личных свобод и уровня потребления. Но сегодня из-за демографической ситуации просто нечем жертвовать. Население не воспроизводится, нет того демографического давления, за счет которого совершались революции и исторические рывки. И граждане вовсе не собираются жертвовать достигнутым уровнем жизни во имя неких абстрактных целей, связанных с модернизацией и повышением конкурентоспособности, если последние напрямую затрагивают их доходы и зарплаты.

С другой стороны, монополия на любые ресурсы и технологии не может быть долгосрочной. Любые невозобновляемые ресурсы и конкурентные преимущества кончаются, а когда-то уникальные технологии рано или поздно становятся всеобщим достоянием. Шанс пробиться в мировую элиту имеют все. И ставки в глобальной экономике могут быть сделаны на разные виды монополии. Так постиндустриальные страны делают успешную ставку на технологическую монополию (компьютеры, программное обеспечение, космос, авиация, вооружения и т.п.). В свою очередь, полупериферия стремится монополизировать дешевый труд и типовые технологии, убрав конкурентов с рынка ширпотреба, бытовой техники, продовольствия и т.д. (Китай, Индия, Южная Корея, азиатские тигры).

Наконец, Россия в последние годы предпринимает некоторые шаги для формирования более монополизированного в мировом масштабе рынка энергоресурсов, начиная с нефти и газа и заканчивая атомной энергетикой. Но эта ставка является одной из самых ненадежных из-за распыленности как мировых запасов сырья, так и множества игроков на глобальном энергетически-сырьевом рынке, которые могут играть как на повышение, так и на понижение ставок. Таким образом, без объ-

единения усилий с другими энергетическими державами достижение этой цели невозможно. И если глобальные монополии на рынок высоких технологий можно считать консолидированными, имеющими четкие стратегии удержания своих преимуществ, то возникновение энергетического клуба является лишь маловероятной возможностью. Которая, скорее всего, не осуществится по причине высокой конкуренции и мировой деконцентрации «активов» в данном секторе.

Пока же индустриальное общество с его ценностными основаниями в России сегодня если и не разрушено полностью, то претерпевает сущностную трансформацию. В нынешней структуре российской экономики отсутствуют потенциальные заказчики нового научного знания и высоких технологий, за исключением государства. У правящих кругов нет проработанного плана по переводу России на постиндустриальные рельсы, хотя нередко поднимается вопрос о модернизации. Хотя новейший политический режим сам по себе во многом походит на управляемые демократии стран Запада, гораздо дальше, чем Россия продвинувшихся по постиндустриальному пути. На какие политико-моральные ценности опирается этот режим, имеет ли его нормативная база действительно постиндустриальный характер? Какие проекты предлагает современная российская политическая мысль, нацеленная на переход России к постиндустриализму? Вразумительных ответов на эти вопросы никто не предлагает.

Смутные перспективы постиндустриализма

Итак, «виртуализация экономики» постиндустриального мира способны привлекать на свое развитие рекордные инвестиции, обеспечивающие глобальную монополию или олигополию на уникальные технологии. В глобализированной экономике мировое лидерство обеспечивает относительно «закрытые», высокомонополизированные секторы экономики. Это космос, телекоммуникации, финансы, авиация, медицинские технологии, программное обеспечение, вооружения, уникальное оборудование. При этом менее прибыльные сегменты экономики, такие как сельское хозяйство, производство ширпотреба и бытовой техники, в данных обществах просто вынесены вовне, во «второй» и «третий» мир.

Возможно, зависимость постиндустриальных обществ от сектора материального производства падает, но настолько ли, чтобы быть свободными от него? Ведь потребности людей в этих обществах остаются вполне материальными, даже если капитал, располагаемый этими обществами, все менее материален. Людям необходимо питаться, одеваться, покупать бытовую технику и машины, строить дома — и все это теперь производится не ими, но поступает из-за рубежа. И в критической ситуации постиндустриальный мир будет зависим от индустриального мира и банановых республик гораздо больше, чем они от него. Посколь-

ку без топлива, еды и одежды выжить гораздо труднее, чем без космических технологий или компьютеров.

Все это создает уязвимость постиндустриальных обществ от независимых для них факторов. Действительно, при определенном уровне достатка собственные материальные потребности перестают быть значимы, но это в свою очередь не значит, что потребности людей в отличие от «виртуальной экономики» становятся постматериальными. Соответственно, ресурс, на который опираются постиндустриальные общества — знание и технологии, по сути, не имеет непреодолимого превосходства над экономиками, базирующимися на преимуществах аграрного производства, сырья или дешевого труда. Постиндустриальный сектор также имеет свои уязвимости, связанные, например, с потерей продовольственной или сырьевой безопасности, повышением зависимости в сегментах потребностей, обеспечивавшихся «свернутыми» отраслями экономики. И эти уязвимости проявят себя в случае глобального кризиса или катастрофы. Поскольку все экономики и государства мира давно плывут в одной лодке, а любая зависимость является обоюдной.

Как справедливо замечает Г.Дерлугьян «невзирая ни на какие футуристические сценарии, мировая экономика по-прежнему в большей степени зависит от рынков сбыта, капиталов и поставок потребительских товаров, нежели от таких «неосязаемых» материй, как информационные технологии. Последние три десятилетия характеризовались «перетеканием» капиталов из сферы материального производства в финансовую, однако, если верить русскому экономисту Кондратьеву, описавшему экономические циклы, ныне носящие его имя, подобные тенденции в принципе характерны для стадии «сжатия» экономики, или В-фазы. Рост цен на энергоносители и прочее минеральное сырье, несомненно связанный с невероятным ростом Китая, подсказывает, что, вполне возможно, мир входит в очередную стадию расширения производства — А-фазу, что можно только приветствовать, учитывая, сколько людей по всему миру прозябает в нищете».¹⁷

Вообще проблема критериев роста, развития, доминирующих стандартов и целевых ориентиров, а также альтернативных концепций их расчета является отдельной темой. В рамках данной статьи отметим лишь, что перекос в концентрации усилий и средств на повышении эффективности любой отрасли хозяйства может оборачиваться деградацией и разрушением других подсистем: «Нельзя решать отдельную проблему, а необходимо искать оптимальный уровень нерешенности всех проблем... При ориентации на максимум прибыли выгодность всегда совпадает с экономичностью (минимум затрат) и, как правило, противоречит эффективности (сопоставлению всей совокупности результатов со всей совокупностью объективно стоящих целей при использо-

¹⁷ Дерлугьян Г. Четвертая Российская империя: истоки и перспективы // Отечественные записки. 2007. №6.

вании одного и того же количества ресурсов)...»¹⁸ Например, можно максимально удешевить стоимость строительства квадратного метра жилья, не учитывая экологические затраты, траты по водо- и энергоотведению, психологические издержки жизни людей в «спальных районах» из 25-этажных домов, отсутствие сопутствующей инфраструктуры (транспорт, магазины, школы, больницы) и т.д.

В условиях транснационализации конкурентны только глобальные рынки ресурсов и труда. Глобальный рынок высоких технологий фактически монополизирован странами, составляющими ядро глобализации. В последнее время постиндустриальные регионы мира все чаще отказываются от либеральных принципов и свободы торговли, все активнее отгораживаясь от мира заградительными барьерами таможен, политикой протекционизма и усилением роли государства в регулировании национальных экономик. Поэтому представляется, что постиндустриальный сегмент глобальной экономики в настоящее время является не историческим этапом, к которому неизбежно эволюционирует все человечество, но скорее во многих своих чертах паразитической надстройкой, извлекающей сверхприбыль из ряда монополизированных секторов этой экономики. И эта надстройка зависит от своего базиса гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Наконец, ни одна монополия в истории человечества еще не была вечной, поскольку управление монополией на единицу ее капитала по эффективности всегда уступает более мелким конкурентам. В долгосрочной перспективе любая монополия проигрывает, лишаясь внеэкономических политических подпорок. Растущие центры силы в мире, не связанные с сегментом постиндустриализма, в перспективе будут вполне способны переиграть грядущую трансформацию мироэкономики в свою пользу. И Россия должна быть готова к сценариям улучшения своего стратегического положения в обновленной иерархии миросистемы и разделении глобального производства.

¹⁸ Эпштейн А. Деградостроительство. Жилищная история с географией и демографией // Политический журнал. № 21–22. 23.07.2007.